

93
Архієпископъ Антоній.

ДЕТОВСКИЙ
музей

==== Въ чёмъ продолжало =====
отражаться вліяніе православія
на послѣдніхъ произведеніяхъ
гр. Л. Н. Толстого?

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ”, Дѣвичья улица, № 14-я.

1911.

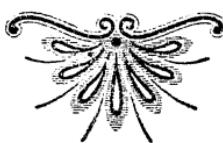
Архієпископъ Антоній.

Архієпископъ Антоній.

==== ВЪ ЧЕМЪ ПРОДОЛЖАЛО
отражаться вліяніе православія
на послѣдніхъ произведеніяхъ
гр. Л. Н. Толстого?

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья улица, № 14-й.

1911.

949

Въ чём продолжало отражаться вліяніе православія на поспільніхъ произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого?

(Изъ лекціи, произнесенной Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Волынскимъ Антоніемъ въ залѣ Житомірской 1-ї гімназії 22 ноября 1910 г.).

Два печальнихъ явлінія выросли на организмѣ русской национальности, расколъ въ народѣ и толстовщина въ обществѣ; послѣдняя есть тоже не столько наносное, сколько свое доморощенное явленіе; это тоже свой расколъ, но не въ народѣ, а въ обществѣ. Однако, подобно тому, какъ расколъ, представляя въ своемъ происхожденіи собой явленіе национальное, нашелъ себѣ обоснованіе и прочность подъ вліяніемъ западной католической литературы, перешедшей въ наши старопечатныя книги чрезъ Юго-Западную Россію, — точно такъ же и Толстовское направлениe нашло себѣ опредѣленную форму, подъ сильнымъ вліяніемъ запада и въ частности философіи Шопенгауэра и Гартмана, ученикомъ которыхъ явился Л. Толстой. Зависимость послѣдняго отъ западныхъ теорій, однако, существенно отличается отъ прочихъ ренегатовъ нашей вѣры и народности. Извѣстнѣйшіе въ исторіи русской мысли XIX вѣка дѣятели и писатели (напр., въ области этической—Бѣлинскій, въ области религіозной—Пашковъ,—въ области философской—Герценъ, Тургеневъ и Грановскій) заимствовали на Западѣ модные идеи цѣлкомъ и безъ всякихъ почти поправокъ пересаживали ихъ на русскую почву и проводили въ художественной или научной литературѣ и проповѣди. Тому же вліянію западныхъ идей подвергся въ 60-хъ годахъ прошлого столѣтія и гр. Л. Н. Толстой, но не такъ, какъ другіе

мыслители. Правда, проф. А. Ф. Гусевъ въ своей книгѣ, посвященной разбору ученія гр. Толстого, подробно доказать, что все метафизическое учение яснополянского философа позаимствовано у нѣмецкаго философа Шопенгауера. Но, скажемъ отъ себя, Толстой внесъ въ это учение существенные поправки,—сближающія его съ идеями восточными и подчасъ близко подводящія его къ православно-русскимъ взглядамъ.

Чтобы яснѣе представить себѣ въ истинномъ свѣтѣ міровоззрѣніе Толстого, надобно сперва указать на коренное различіе двухъ цивилизаций: западно-европейской-правовой и восточной. Послѣдняя исходитъ изъ начала личности; она почитаетъ самою великою цѣнностью—стремленіе къ духовному совершенству личности и установленіе тѣсной связи ея съ Божествомъ. Л. Н. Толстой, являясь по рожденію и воспитанію сыномъ народа русскаго, усвоившаго себѣ восточную культуру, стоитъ на томъ же принципѣ, несмотря на увлеченіе идеями Шопенгауера и на вліяніе западной цивилизациіи. Это обстоятельство главнымъ образомъ сближаетъ учение Толстого съ православно-христіанскими взглядами на жизнь и дѣлаетъ его національнымъ русскимъ мыслителемъ.

Въ противоположность восточной—западная цивилизация устанавливаетъ напередъ общія, принудительныя правила и законы жизни, теоретические шаблоны, а затѣмъ уже старается подвести подъ нихъ вѣшнюю жизнь личности посредствомъ школы и науки. Такъ построется Римскій католицизмъ, западное правовое государство, такъ вообще складывается все мышленіе западныхъ философовъ. Возьмемъ для примѣра способы христіанской проповѣди среди язычниковъ. Задавшись цѣлью просвѣтить христіанствомъ какихъ либо дикарей, Римъ сначала устанавливаетъ организаціи миссій, назначаетъ жалованье миссіонерамъ, опредѣляетъ ихъ права и обязанность, а затѣмъ старается подыскать способныхъ для себя дѣятелей. У насъ же миссіонерское дѣло развивалось иначе. Какой-нибудь отшельникъ, или смиренный дьячокъ, возгораясь ревностью о славѣ Божіей, шелъ съ проповѣдью христіанства къ дикарямъ и своими подвигами изумлялъ послѣднихъ, привлекалъ къ себѣ вниманіе, а затѣмъ довѣріе и послѣдователей. Встрѣчая за-

тѣмъ помѣхъ своему дѣлу, онъ возвращался назадъ къ святымъ и царямъ, начиная усовершенствоваться въ своихъ богословскихъ познаніяхъ, составляя грамоту для новыхъ племенъ, бралъ необходимыя полномочія и затѣмъ уже снова приходилъ на то же мѣсто и довершалъ съ внѣшними средствами въ рукахъ то, что началъ одними только личными подвигами. Въ своихъ воззрѣніяхъ на средства усовершенія общественной жизни Л. Н. Толстой, *всесчѣло принадлежитъ востоку*, и хотя онъ откололся отъ восточного церковнаго сознанія, но это *скорѣе раскольникъ внутренній*, чѣмъ внѣшній. Его сродность съ восточными идеями сильнѣе обнаруживается въ его ученіи, нежели онъ это подозревалъ.

Чтобы оправдать такой взглядъ на него, остановимся на тѣхъ возраженіяхъ, какія можно привести противъ признанія его внутреннимъ раскольникомъ русской духовной жизни. Прежде всего скажутъ, что онъ отрицалъ самый национализмъ, патріотизмъ, государственность, церковь, догматы, Библію, Посланія и большую часть Евангелія. Мало того, ради космополитизма онъ пожертвовалъ самыми дорогими и возвышенными истинами Христова ученія: онъ говорилъ, будто заповѣдь о любви къ врагамъ имѣеть въ виду враговъ вовсе не личныхъ, а только политическихъ. Кстати скажемъ: какъ забавно, что всѣ убѣждены, будто онъ проповѣдывалъ любовь, въ то время какъ онъ самъ въ своемъ „объясненіи Евангелія“ заявляетъ, что личныхъ враговъ любить невозможно и заповѣдь Христова требуетъ любви къ врагамъ политическимъ. Но вѣдь каждому, читавшему Евангеліе, видно, что Христосъ имѣеть тутъ въ виду именно личныхъ враговъ, ибо перечисляются и самые случаи, въ какихъ можетъ обнаруживаться ихъ враждебность: „*любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ*“ (Мѳ. 5, 44). Кажется не нужно никакихъ филологическихъ изысканій, чтобы видѣть это и понять, что Л. Толстой намѣренно жертвує самыя высокія принципы христіанской любви—любовью къ врагамъ, лишь бы утвердить Евангеліемъ космополитизмъ.

Не нужно, впрочемъ, удивляться незнанію публики его подлиннаго ученія, его отрицанія любви. Еще рѣзче прояви-

лось непониманіе философскихъ его взглядовъ въ только что пережитыхъ восторженныхъ чествованіяхъ его памяти, въ чемъ самое большое участіе проявили какъ разъ тѣ корпораціи и учрежденія, которыя онъ отрицалъ и банилъ самыми жестокими словами: такъ, докторовъ называетъ Толстой въ „Крейцеровой Сонатѣ“ не иначе какъ мошенниками; судей онъ ставилъ наравнѣ съ разбойниками; адвокатуру и судебнія учрежденія честить тоже самыми бранными эпитетами; а между тѣмъ медики и юристы являются самыми восторженными демонстрантами на его посмертномъ триумфѣ. Далѣе чехи и др. славяне убѣждены, что Толстой славянофиль, тогда какъ самъ онъ войну съ Турцией называетъ безмысленнымъ дѣломъ горсти съумасшедшихъ; издѣвается надъ славянофильтвомъ, которое въ корнѣ своемъ имѣеть идею націонализма, безусловно отрицаемаго авторомъ. Основанія школъ въ память его и чествованія въ университетахъ тоже представляютъ одно недоразумѣніе. Вѣдь самъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ: „Въ чемъ моя вѣра“ и „Царство Божіе внутри васъ есть“ отрицаєтъ всякое школьнное образованіе и воспитаніе и свое собственное увлеченіе учительствомъ признаетъ заблужденіемъ; обѣ университеты же онъ упоминаетъ всегда съ горькой укоризной (можетъ быть, потому, что ему самому тамъ не повезло). Извѣстны также его взгляды на университетскій курсъ по тѣмъ письмамъ, какія онъ писалъ въ отвѣтъ студентамъ, обращавшимся къ нему за материальною помощію: онъ признаетъ высшій учебный курсъ не образованіемъ, а дѣлаетъ диплома.

Поневолѣ по поводу чествованія писателя учрежденіями, имъ отрицаемыми, припоминаются слова Некрасова о демонстраціи декабристовъ.

„Едва ли сотый понимаетъ,
Что дѣлается тутъ“...

Толстого чествовали, конечно, не столько, какъ романиста, сколько какъ философа-отрицателя, но чествовали именно тѣ, кто его философскихъ сочиненій не читалъ. Справедливо писалъ Л. Н., что на 100 читателей его романовъ, едва найдется 2 читателя его философскихъ произведеній; онъ приписывалъ это цензурнымъ препятствіямъ, но съ 1905 г. они устранились, а читать его все-таки не стали,

потому что въ настоящее время гоняются за легкостью чтенія; общество читаетъ лишь статьи написанныя короткими строками.

Итакъ Л. Толстой (возвращаемся къ предмету рѣчи) былъ фанатикомъ космополитизма, антинационализма, но при всемъ томъ Л. Н. Толстой былъ *русскимъ национальнымъ философомъ-писателемъ* уже по самому исходному пункту своего философствованія, который всегда указывался авторомъ въ мучительномъ сознаніи всяkimъ того несоответствія, которое наблюдается между высокими стремленіями души и ея дѣйствительною жизнью. Его теоретический космополитизмъ стоитъ въ противорѣчіи съ национальнымъ духомъ его философскихъ созерцаній.

Исторія русской литературы представляеть намъ нѣсколько такихъ поразительныхъ примѣровъ, когда геній писателя шелъ въ разрѣзъ съ его теоретическими положеніями.

Такъ, авторъ „Отцовъ и дѣтей“, хотѣлъ изобразить нигилиста Базарова въ симпатичномъ свѣтѣ, но по отзывамъ современной роману критики, въ этомъ герой получился, противъ желанія автора, типъ каррикатурный. Съ другой стороны, желая изобразить униженную русскимъ варварствомъ человѣческую личность, Тургеневъ въ своемъ разсказѣ „Живая мозаї“, возвель свою героиню на недосягаемую высоту нравственного величія. Некрасовъ въ своемъ стихотвореніи „Кому на Руси жить хорошо“, при всемъ желаніи осмысливать существующій строй жизни русской, разражается восторженнымъ гимномъ Русскому Государю.

Такъ непроизвольно иногда геній художника идетъ противъ своихъ теоретическихъ положеній.

Русская читающая публика инстинктивно чувствуетъ правду русского художественного генія, восторженно отмѣчаетъ это своимъ сочувствіемъ, и несмотря на то, что часто писатели натаскиваютъ много дѣланного, неискренняго въ свои произведенія, публика, чутьемъ улавливаетъ истинныя симпатіи художника и идетъ за ними. Художниковъ слова русское общество поэтому и предпочитаетъ своимъ философамъ и ученымъ, и не лишаетъ поэта своей любви и преклоненія, если даже онъ и говоритъ что либо противное современнымъ понятіямъ и привычкамъ. Такъ напр., Достоевскій говорилъ русскому обществу такія горькія истины, ка-

кихъ никто до него не высказывалъ (что напр., всякий русский либералъ ненавидить самую Россію и т. п.), и тѣмъ не менѣе русское общество его обожало и ему первому устроило торжественные общенародныя похороны совершенно непосредственно, не такъ какъ современнымъ дѣятелямъ и тому-же яснополянскому философу.

Чѣмъ же другимъ объяснить это единодушie лицъ всѣхъ направленій общества въ его любви къ своимъ поэтамъ, какъ не той способностью русскаго сердца уловить высшія непосредственные откровенія духа одаренныхъ людей преимущественно предъ отвлеченною рѣчью ученаго резонера?

Въ томъ и сказывается огромное преимущество русскаго духа, что онъ вѣрно подмѣчаетъ разницу между голосами его генія и его теоретическими, заимствованными заблужденіями. Но если у другихъ писателей противорѣчие это оставалось между различными силами ихъ духа—познавательными и творческими,—то у Л. Толстого оно шло глубже, и проводилось въ самое его теоретическое учение.

Мы сказали, что мысль Толстого исходить изъ одного основного принципа—возрожденія личности, какъ главной цѣнности и главнаго средства возвышенія общественной жизни. Предъявляя это начало, какъ философскую аксиому, Толстой зналъ, что русскій читатель никогда не рѣшился отъ нея отказаться и заявить, какъ напр. Нѣмцы, что *никакого возрожденія не надо и его не можетъ быть*. Нѣмцы же рѣшаются здѣсь отвергать принципъ даже своего всеобщаго кумира—Канта и объясняютъ его строго нравственные принципы лишь данью времени и піәтическому воспитанію философа. Русскій читатель на подобный нравственный нигилизмъ никогда не рѣшился и *средное православію утвержденіе Л. Толстого о необходимости возрожденія личности* является роднымъ и симпатичнымъ для русскаго читателя.

Но этотъ основной философскій принципъ Льва Николаевича во всѣхъ его произведеніяхъ находится въ рѣшительномъ противорѣчіи съ тѣмъ общимъ метафизическимъ ученіемъ, которое онъ позаимствовалъ на западѣ. Это предвзятое міровоззрѣніе—есть *пантеизмъ*.

Пантеизмъ весьма близокъ къ материализму и въ основѣ міра ничего другого не признаетъ кроме космического, мірового процесса, т. е. матеріи и присущихъ ей необходимости

мыхъ законовъ. Въ своемъ развитіи на западѣ пантейзмъ сроднился, сросся съ такъ называемымъ дарвинизмомъ и эволюціонизмомъ; то-же у Толстого. Никакой Божествен-ной, живой разумной, личной силѣ въ его міровоззрѣнніи не можетъ быть мѣста. Потому и не можетъ быть, по его ученію, никакого общенія между человѣкомъ и Богомъ, что со-знающей Божественной личности не существуетъ. Отсюда и утвержденіе, будто Толстой былъ религіозенъ, молился и навелъ на себя недовольство Церкви за то только, что обли-чалъ духовенство, и отрицалъ нѣкоторые обряды, является лишь плодомъ незнанія или неискренности.

Подъ религіей Толстой разумѣлъ наше отношеніе къ че-ловѣчеству и природѣ, а подъ молитвой—напоминаніе себѣ своихъ нравственныхъ принциповъ. Пантейзмъ есть такое же безбожіе, какъ, и материализмъ. Условная разница между материализмомъ и пантейзмомъ заключается только въ томъ, на что обращается вниманіе изслѣдователя въ вопросѣ о происхожденіи міра: на пассивную или активную сторону его, на матерію-ли, которая подвергается эволюціи, или на тѣ силы или законы, которые совершаютъ эту эволюцію при-роды, а затѣмъ и человѣческаго общества. Законы эти обоб-щаются философами въ одинъ общий законъ, который и считается божествомъ, всецѣло исчерпывающимся въ жизни космоса или міровыхъ планетъ и кометъ; божество это вмѣстѣ съ матеріей и всѣми живыми существами подвер-жено необходимости своего поступательного развитія или эволюціи.

Въ такомъ міровоззрѣнніи, конечно, не можетъ быть мѣста для свободы воли, ни для нравственной отвѣтствен-ности человѣка. Всѣ его дѣйствія опредѣляются съ необхо-димостью тѣми законами, какимъ подчинены всѣ вещи въ мірѣ. Самая благородная движенія человѣческаго сердца. суть такія-же равнодѣйствующія разныхъ условій, какъ стремленіе самоотверженной наскѣдки на защиту своихъ дѣтенышь. Дѣйствія свободной воли, суть ничто иное, какъ ходъ хорошо устроенного локомотива. Понятно, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какой либо одушевленной пропо-вѣди добрѣтели и внутренней борьбы. Правда, можно, напр., предостерегать человѣка стоящаго на краю пропасти о гро-зящей ему опасности, но это не увѣщаніе, а сообщеніе факта.

Увѣщанія нравственаго, расчитаннаго на то, что человѣкъ можетъ пойти противъ себя, что онъ отвѣтственъ за свои поступки,—такого ученія въ пантейзмѣ быть не можетъ. И германскіе ученые признаются, что гдѣ пантейзмъ, тамъ нѣтъ мѣста нравственному подвигу, тамъ подвигъ замѣняется благоразуміемъ. Можно правда указывать, что страсти, напр., разстраиваютъ здоровье, или убѣдить ребенка не кушать конфектъ, потому что это вредно для желудка. Но такие совѣты, имѣющіе цѣлью благополучіе, опираются на *познаніе*, дающіе просторъ и успѣхъ *самосохраненію*, т. е. не нравственному, а себялюбивому мотиву. Послѣдовательные пантейсты не отрицаются отъ такого нравственного нигилизма. Себялюбіе и познаніе ограждаютъ людей отъ бѣдъ, говорять они, а въ этомъ и заключается прогрессъ. Когда люди узнаютъ, что имъ вредно, они поневолѣ будутъ лучше.

Но нелѣпость такого предположенія сразу же бросается въ глаза, ибо выходило бы тогда, что гдѣ знаніе, тамъ и добро. По силѣ этого утвержденія, напр., выходило бы, что если невинная девушка пала и погрязла въ развратѣ, стала Мессалиной или Чухой, то она сдѣлалась лучше, чѣмъ была въ 15 лѣтъ, потому что узнала гораздо больше, чѣмъ знала тогда.

Толстой понимаетъ это затрудненіе и старается выйти изъ него посредствомъ такихъ соображеній. Знаніе, говорить онъ, дѣйствительно необходимо влечетъ къ добру. Человѣкъ дѣлаетъ лишь то, что онъ считаетъ высшимъ благомъ: узнаеть, въ чемъ оно для него состоитъ, и будетъ поступать сообразно сему. Но случается такъ, что человѣкъ считаетъ благомъ зло и потому слѣдуетъ ему. Такъ, напр., поступали софисты, книжники и фарисеи, богословы и священники, которые замѣнили истинное благо безсмысленными догматами, и стали требовать вмѣсто исполненія заповѣдей добродѣтели однихъ обрядовъ и давить личность христіанъ. Толстой будто-бы открылъ глаза на настоящее благо и если-бы всѣ люди такъ же узнали истинное благо, то не было бы и паденій. Итакъ, вопреки нѣмецкимъ пантейстамъ, принужденнымъ признавать во всемъ прогрессъ и нигдѣ не регрессъ (ибо познаніе вездѣ умножается а незнаніе уменьшается и послѣдовательно зло должно вездѣ уменьшаться), Толстой признаетъ „активное развитіе зла чрезъ распространеніе ложнаго

занія или обмана". Эту идею онъ старается провести и въ своихъ повѣстяхъ. Паденія своихъ героевъ онъ старается представить какъ слѣдствіе такого незнанія. Нехлюдовъ въ „Воскресеніи“ дѣлаетъ мерзость, потому что вспоминаетъ, что другіе такъ дѣлаютъ и оправдываютъ себя. Тоже и герой „Крейцеровой Сонаты“. Такія же ошибочные посылки влекутъ людей, по ложному убѣжденію, на войну и на насилие близкихъ.—Но можно ли смѣшивать двѣ совершенно различныя вещи? Вѣдь герои Л. Толстого падаютъ не потому, что имѣютъ ложныя познанія, а потому что порочны и неискренно подыскиваютъ для себя смягчающіе предлоги, чтобы ослабить страданіе, наносимое укорами совѣсти. Иное дѣло подчиненіе себя страсти и злой волѣ и иное дѣло подвигъ воли (напр. войны), хотя бы признаваемый Толстымъ за вредную ошибку и зло въ общественной жизни. Въ этомъ случаѣ люди устремляются на подвигъ не по злой волѣ, а по убѣжденію, которое Л. Н. не признаетъ ложнымъ, но въ порокахъ и паденіяхъ—другое дѣло. Здѣсь собственно *не ложныя мысли*, а грубыя страсти влекутъ человѣка въ бездну паденія. И это самъ Толстой вопреки себѣ самому, но замѣчательно художественно воспроизвелъ въ драмѣ „Власть тьмы“: люди дѣлаютъ зло (развратъ и дѣтоубийство) вопреки собственнымъ убѣжденіямъ. Рисуя такія картины рабства человѣка своей злой волѣ, Толстой идетъ противъ своего ученія о знаніи, какъ необходимомъ управителѣ человѣческихъ дѣйствій, а допуская развивающуюся въ жизни силу ложныхъ знаній, онъ и въ теоріи старался внести поправку въ ученіе нѣмецкаго пантегиазма. Но теоретическая поправка нѣмецкаго фатализма ему не удалась, а поправка художественная идетъ въ разрѣзъ съ его собственою теоріей.

Что касается личныхъ убѣжденій гр. Л. Толстого, то и здѣсь необходимо указать такую же разницу между теоретическими положеніями его философіи и личной жизнью. Напрасно считаютъ его многіе проповѣдникомъ христіанской любви. Правда, его влеченія сердца весьма приближались къ принципамъ церковнымъ, но теорія опять не могла вмѣстить ихъ въ себя. Такъ, по теоріи Толстого помочь ближнему можетъ проявляться лишь въ работѣ, помочь же деньгами онъ совершенно отвергалъ, и самыя деньги считалъ явле-

ніемъ безнравственнымъ. Для каждой же личности онъ проповѣдалъ обязательную бѣдность, порицалъ собственность.

Церковное сознаніе, хотя и не такъ относится къ деньгамъ, но допускаетъ богатство лишь какъ средство для служенія ближнимъ. Въ такомъ именно смыслѣ рѣшаетъ данный вопросъ Св. Климентъ Александрійскій въ своемъ сочиненіи „Какой богачъ спасется?“ Между тѣмъ Толстой, отвергая собственность, проповѣдуя отреченіе отъ богатства, отвергаетъ въ теоріи и помошь ближнему, выражаемую подачей денегъ или даже хлѣба, хотя въ послѣднемъ году своей жизни заявляетъ, что у нихъ въ домѣ заведенъ такой порядокъ, что всѣмъ приходящимъ безработнымъ даютъ по 5 копѣекъ (маловато)! Правда онъ это противорѣчіе могъ бы разрѣшить обычной ссылкой, что порядки его семьи отъ него не зависятъ. Впрочемъ эта черствая теорія тоже уступила его непосредственному настроенію (дай Богъ чтобы не тицеславію), когда онъ въ 1891 году во время голодовки принялъ руководственное участіе въ организаціи отрядовъ для помощи голодающимъ. Когда ему замѣтили, (1892 г.) что такая помощь идетъ въ разрѣзъ съ его теоретическими убѣжденіями, онъ отвѣтилъ, что это случай исключительный, что невозможно идти противъ добрыхъ требованій сердца, но постарался при этомъ добавить, что все таки хлѣбъ былъ розданъ болѣе нахальнымъ и лѣнивымъ мужикамъ, чѣмъ дѣйствительно беспомощнымъ. Такимъ образомъ и тутъ выходитъ, что какъ человѣкъ, по натурѣ, онъ былъ выше, чѣмъ въ теоріи.

Гораздо большую близость къ нравственнымъ принципамъ православнаго ученія мы можемъ усмотреть въ аскетическихъ проявленіяхъ его жизни и ученія. Какъ известно, онъ отстаивалъ и отчасти проводилъ въ свою личную жизнь болѣе или менѣе строго три подвижническихъ правила: не вкушать мяса, хранить дѣвственную жизнь и проводить жизнь въ бѣдности. Здѣсь онъ приближается къ требованіямъ жизни монашеской, которая такъ учитъ потому, что чрезъ отреченіе отъ удовольствій убивается начало себялюбія и возвышается святая любовь къ Богу и къ ближнимъ. Подобный же взглядъ проводить и Толстой, когда говоритъ, что если кто проводить свою жизнь въ указаныхъ подвигахъ, то въ освобожденномъ сердцѣ возго-

рается пламень возвышенныхъ настроеній—любви и энтузиазма. Что касается подвига цѣломудрія, мысль о которомъ проводится съ настойчивостью въ „Крейцеровой Сонатѣ“, то и здѣсь Толстой приближается къ церковному сознанію. Правда, трудно понять изъ его разсужденій, всякий ли бракъ онъ осуждается. При наиболѣе умѣренномъ пониманіи этой повѣсти выходитъ, что бракъ есть только лучший изъ возможныхъ для средняго человѣка выходовъ изъ моря страстей, которые, будучи связаны съ дѣтожденіемъ и любовью къ женѣ и дѣтямъ, теряютъ свой звѣрски-жестокій характеръ и постепенно вовсе потухаютъ. Здѣсь нашъ писатель подходитъ къ принципамъ, которыми живеть и нашъ простой народъ, о чёмъ и заявляетъ открыто. Вѣдь всякая баба, выходя замужъ, говорить онъ, отлично сознаетъ, что береть на себя тяжелый крестъ: она должна подчинить себя всецѣло закону рожденія дѣтей и посвятить себя воспитанію ихъ и перенесенію всѣхъ трудностей семейной жизни. Толстой здѣсь близко подходитъ къ учению церковному и лишь по недоразумѣнію начинаетъ враждовать съ тою церковію, которая воспитала въ сознаніи простого народа подобные взгляды; по такому-же недоразумѣнію нѣкоторые церковные мыслители рѣзко полемизировали противъ названной повѣсти Толстого.

Такимъ образомъ, въ міровоззрѣніи Толстого находимъ ту существенную поправку, выгодно отличающую его отъ другихъ русскихъ писателей и философовъ, что онъ принимаетъ основной взглядъ на смыслъ жизни, близко подходящій къ требованіямъ православія, хотя и отрицаетъ всѣ догматы послѣдняго. Ученіе нашего писателя о постепенномъ совершенствованіи личности, съ такою настойчивостью проводимое и въ его художественныхъ произведеніяхъ, стоитъ гораздо ближе къ церковному учению о жизни, чѣмъ современное такъ называемое интеллигентное общество, которое и слушать даже не хочетъ о различныхъ средствахъ совершенствованія личности, о постѣ, уединеніи, бѣдности и т. п.—Даже нѣкоторые славянофилы, писатели наиболѣе близкіе къ національному сознанію русскаго народа (какъ напр. А. Толстой) и бытописатели среди духовной (напр., Лѣсковъ), допускаютъ возможность мгновеннаго возрожденія личности безъ всякихъ подвиговъ. Вообще современная рус-

ская интеллигенція не любить даже слышать о какой либо серіозной борьбѣ съ собою, съ собственнымъ эгоизмомъ, такъ-что въ этомъ отношеніи основной взглядъ Толстого заключаетъ въ себѣ весьма много симпатичнаго, и если нади современники надъ нимъ не рѣшаются смѣяться, то и читать его не любятъ именно вслѣдствіе глубокаго пониженія своихъ нравственныхъ интересовъ.

Эта же черта его міровоззрѣнія въ значительной степени приближаетъ къ идеаламъ русскаго народа и даетъ основаніе для той особенной любви, какую Толстой имѣть къ простому народу, котораго ставилъ гораздо выше интеллигентнаго общества. Конечно, нашъ писатель превозносилъ его не за то, что онъ не имѣть образованія, а за то, что нравственные принципы простымъ народомъ понимаются и сохраняются чище и совершеннѣе. Науку о добродѣтеляхъ, практически вѣдомую народу, Толстой считаетъ наиболѣе цѣнною изъ всѣхъ знаній. Нашъ писатель является противникомъ школъ, школьнаго образованія, но онъ собственно противъ тѣхъ знаній, какія теперь преподаются въ школахъ и гимназіяхъ и противъ школьнай организаціи. Науки же, занимающейся изученіемъ нравственной области, онъ не отвергаетъ.

Сохраненіемъ нравственной чистоты жизни простой народъ, по взгляду Л. Н., обязанъ 1) религіи, 2) земледѣльческому быту и 3) бѣдности. Въ этомъ отношеніи сказка его „Иванъ—дуракъ“ исчерпываетъ всѣ его философскія размыщенія на эту тему. Подобное предпочтеніе простого народа предъ интеллигенціей проводится Толстымъ и въ комедіи „Плоды просвѣщенія“, гдѣ прямо устанавливается тотъ выводъ, что мужикъ и лучше и умнѣе такъ называемыхъ образованныхъ господъ, надъ которыми авторъ жестоко издѣвается.—Любовь къ простому русскому народу дѣлаетъ Льва Николаевича въ нѣкоторомъ отношеніи болѣе национальнымъ, чѣмъ націоналистовъ-консерваторовъ, которые все же не могутъ отрѣшиться отъ нѣкотораго преувеличенаго мнѣнія о достоинствѣ интеллигенціи и смотрѣть на простой народъ лишь какъ на почву, на которой можетъ процвѣтать пышный цвѣтъ интеллигентныхъ классовъ общества.

Признавая земледѣліе и бѣдность главными условіями общественной нравственности, Толстой въ свою личную жизнь

стремился внести тѣ же условія нравственнаго усовершенствованія. Но отречься отъ собственности оказалось не такъ то легко, хотя по его теоріи и выходило, что съ этого слѣдуетъ начинать возрожденіе. И вотъ, почувствовавъ въ этомъ неудачу, Толстой горько жалуется, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Энгельгарду, на свое безсиліе въ проведеніи этого принципа въ жизнь. „Не могу отречься, писалъ онъ, но пусть меня пожалѣютъ, пусть научатъ, а не укоряютъ, не бросаютъ камнями“...

Въ данномъ отношеніи Толстой приближается къ церковнымъ взглядамъ на бѣдность, какъ на условіе совершенства. Но въ то время, какъ Церковь, согласно съ учениемъ Спасителя, высказаннымъ въ повелѣніи богатому юношѣ, требуетъ прежде чѣмъ добровольной нищеты, исполненія всѣхъ прочихъ заповѣдей: не убй, не прелюбы сотвори, не укради, чти отца твоего и матерь твою, и затѣмъ уже, какъ завершенія добродѣтелей, продай имъніе и дай нищимъ (Мѳ. 19, 18—21); —Л. Толстой, напротивъ, хотѣлъ начинать съ того, что Церковю ставится какъ высшее звено подъема жизни. Прибавимъ кстати, что вполнѣ понятно, почему заповѣль о бѣдности можетъ быть обращена лишь къ человѣку исполнившему прочія заповѣди Моисея. Представьте себѣ, если человѣкъ пьяный, развратникъ, кощунникъ, не повинующийся родителямъ, раздастъ имъніе свое и обратится въ бѣдняка, то что изъ него будетъ? онъ обратится въ бояска, празднаго попрошая или дармоѣда-приживальщика. Нормальное развитіе высшаго подвижничества въ народной жизни представляеть намъ картину постепенного восхожденія въ такомъ порядкѣ: сначала подвижникъ долгое время подвизается въ тѣхъ же условіяхъ общественной и семейной жизни, въ какихъ родился, изучая священные книги, проводя жизнь въ посты и молитвѣ. Затѣмъ уже, когда видить препятствіе дальнѣйшему совершенствованію, то удаляется отъ своего общественнаго положенія, отрекается имущества и идетъ въ монастырь и въ смиренномъ подчиненіи своей воли руководству старца завершаетъ свое земное поприще, достигая высокой степени духовнаго зреянія. И если Толстой восхвалять жизнь простого народа, то ему слѣдовало лишь принять такую программу, какая предносится сознанію простого человѣка въ церковномъ наученіи. Главнымъ же основаніемъ этого про-

рядка является у простого народа въра въ Господа Иисуса Христа, почитаніе Его Пречистой Матери, предпочтеніе главной добродѣтели смиренія и проч.

Между тѣмъ Толстой здѣсь не захотѣлъ уподобиться простому народу и хотѣлъ руководить и руководиться своими фантастическими выводами, почему и оказался въ такомъ жалкомъ положеніи.

Что касается второго условія, подмѣченаго Толстымъ у простого народа, именно земледѣлія, какъ такого занятія, которое содѣйствуетъ сохраненію большей чистоты нравственной жизни, то и тутъ онъ совпалъ со взглядомъ христіанскимъ. У Сираха говорится, что земледѣліе дѣло, хотя и трудное, но священное и установленное Богомъ. Опытъ же подтверждаетъ, что развитіе фабрично-заводской цивилизациіи убиваетъ нравственную чуткость души и развиваетъ разнообразные пороки. На фабричнаго, и вообще на человѣка оставившаго свою землю и ушедшаго въ городъ на легкую работу, народъ нашъ взираетъ, какъ на своего рода отщепенца, какъ на личность падшую. Съ большимъ удовольствіемъ поэтому приходится отмѣтить тотъ протестъ, съ которымъ выступилъ въ газетахъ Л. Толстой, когда заговорили о необходимости разселенія народа на отрубное хозяйство и разрушенія крестьянской общины. Въ этомъ вопросѣ онъ тоже совпалъ съ мнѣніемъ русскаго народа, который бытовое общинное устройство считаетъ священнымъ, такъ какъ это приближаетъ къ монастырскому быту, съ котораго и скопированъ нашъ исконный семейный и общинный строй, насколько это возможно. Любовь простого народа къ монастырскому укладу жизни, гдѣ каждый работаетъ на общее благо общины, со строгимъ подчиненіемъ установленнымъ правиламъ, эта черта въ характерѣ русскаго народа подмѣчена и въ литературѣ, и первыми славянофилами, и современными писателями, напр., В. Немировичъ-Данченко, въ его повѣсти „Крестьянское царство“, гдѣ описывается жизнь Валаамскаго монастыря.

При полномъ отрицаніи церкви и духовенства въ своей теоріи Л. Толстой раздѣляетъ благоговѣніе народа предъ аскетическимъ бытомъ лучшихъ монастырей и находить большое удовольствіе говорить съ монахами. Какъ чисто русскій обыватель, Л. Толстой предпочиталъ ученымъ бого-

словамъ именно тѣхъ монаховъ самоучекъ, которые своимъ личными подвигами достигали или дополняли познаніе законовъ внутренней борьбы со зломъ. Вотъ почему онъ любилъ оптинскаго старца Амвросія, ходилъ нѣкоторое время по монастырямъ, исповѣдывался, словомъ старался дѣлать тоже, что дѣлаетъ простой народъ въ своемъ стремленіи получиться духовному добродѣланію. Но и въ этомъ Л. Толстой допустилъ крупную ошибку. Говоря, путешествія по святымъ мѣстамъ и проч. дѣла подвига, предпринимаемаго русскимъ народомъ, полезны бывають для такихъ людей, у которыхъ предполагается уже твердо установившаяся религіозная убѣжденность. Для людей же колеблющихся, отвергающихъ основныя истины христіанства, эти средства будутъ непригодны и необходимъ другой путь теоретического, научного разбора и доказательствъ въ тѣхъ коренныхъ богословскихъ вопросахъ, которые кажутся мыслителю темными и даже соблазнительными. На это весьма мѣтко указалъ Льву Николаевичу епископъ Исидоръ, посѣтившій его въ Москву вскорѣ послѣ отлученія. На предложенное увѣщеніе Толстой отвѣтилъ: „Я свои убѣжденія не выдумалъ, а провѣрялъ ихъ собственнымъ опытомъ, путешествуя по монастырямъ и причащаясь неоднократно“. „Но опытъ то былъ неудачный“, замѣтилъ ему гость, „ибо причастіе не для сомнѣвающихся, а для вѣрующихъ. Помните, что было послѣ первого причащенія съ однимъ изъ его участниковъ: „и по хлѣбѣ томъ вниде въ онъ сатана“.

Оставаясь въ этомъ случаѣ типичнымъ русскимъ бариномъ, Л. Толстой допускалъ только сверхъестественный, мистический путь возвращенія вѣры въ свою душу, а пособія научные не только отрицалъ, какъ и все научное богословіе, отожествляя его съ западной схоластикой, но договорился до такого абсурда, будто символъ вѣры не можетъ быть никоимъ образомъ согласованъ съ нагорной проповѣдью Спасителя. Какъ же тогда смотрѣть на жизнь преп. Антонія Великаго, Іоанна Златоуста и другихъ безчисленныхъ проповѣдниковъ, положившихъ жизнь на защиту символа вѣры и явившихъ вмѣсть съ тѣмъ міру великие и неподражаемые на всѣ вѣка образцы добродѣтели.

Но если въ теоретическихъ взглядахъ Толстого проглядываетъ страшная путаница, подъ вліяніемъ черствой фило-

софії Шопенгауера, то въ художественныхъ его картинахъ она часто исчезаетъ и получается удивительное по яркости раскрытие нравственной силы, заключающейся и въ церковныхъ вѣрованіяхъ, и въ церковныхъ священодѣйствіяхъ, давно отвергнутыхъ теоретическою философией Толстого: напротивъ попытки автора провести идеи послѣдней въ художественный разсказъ терпяще неудачу.

Въ разсказѣ „Хозяинъ и работникъ“, послѣдній вспоминаетъ передъ смертью о св. Николѣ, о свѣчахъ и молитвахъ, но затѣмъ соображаетъ, что все это нужно въ храмѣ, а здѣсь бесполезно, и вотъ умирающій начинаетъ угѣшать себя отвлеченными и очень ненатуральными пантегистическими философемами. Есть-ли здѣсь художественная правда? Кто присутствовалъ при смерти умирающихъ, тотъ знаетъ, что различно проходятъ послѣднія минуты человѣка: или замѣтна напряженная борьба за земную жизнь и ужасъ приближающейся смерти, или замѣтна совершенная покорность страшной минутѣ, тихое умилленное настроеніе, которое чаще всего бываетъ у натуръ религіозно-настроенныхъ. Но и тѣ, и другіе страдальцы особенно отчетливо сознаютъ свою индивидуальность, свою отвѣтственность. Никакого сліянія съ космосомъ, которое старается навязать умирающимъ нашъ писатель-пантегистъ, вы никогда не увидите. И вотъ онъ, какъ-бы поневолѣ, даетъ возможность ожившему работнику умереть, „какъ онъ всегда хотѣлъ—подъ образами со свѣчей въ рукахъ, среди молитвъ окружающихъ“. Что касается призыва Николы угодника, то его-то именно и призываютъ умирающіе на Руси до послѣдняго мгновенія своей жизни, и заступленію св. Николая вѣруютъ не только христіане, но и живущіе въ Россіи язычники и магометане.—Нарушая требованія художественной правды, когда ему хочется внести въ разсказъ пантегистическую тенденцію, Л. Толстой, съ великимъ успѣхомъ ихъ выполняетъ, когда забываетъ объ этой тенденціи: въ такихъ случаяхъ изъ подъ его пера выступаетъ нравственная красота и нравственная сила церковныхъ вѣрованій и установлений.

Таковъ разсказъ: „Свѣчка“, связанный съ праздникомъ воскресенія Христова. Нужно замѣтить вообще, что событие воскресенія Христова есть одна изъ сладостнѣйшихъ истинъ христіанства, безъ которой по выражению Ап. Павла: „суетна

наша вѣра, ибо если мы только въ этой жизни надѣемся на Христа, то мы несчастнѣйше изъ людей". Толстой, отрицая историческое воскресеніе Христово, пытается замѣнить его нравственнымъ воскресеніемъ каждой личности и въ этихъ мысляхъ составилъ повѣсть: „Воскресеніе". Однако здѣсь, вопреки желанію автора, получается трогательная картина пасхальной заутреніи въ деревнѣ и вовсе неубѣдительная и не привлекательная картина внутренняго воскресенія Нехлюдова, который остался никудышникомъ, скучнымъ резонеромъ и притомъ довольно ограниченнымъ, безцвѣтнымъ типомъ. Критика (Перцова и др.) совершенно вѣрно заявили объ этомъ типѣ, что при всемъ стараніи автора, Нехлюдовъ „такъ и не воскресъ".—Въ свободномъ отъ тенденцій разсказѣ: „Свѣчка", описывается, какъ одинъ управляющій заставилъ крестьянъ пахать землю на святой недѣлѣ, а крестьяне, возмущенные такимъ распоряженіемъ, готовы были перейти къ бунту и дѣло грозило бы тяжелыми послѣдствіями. Но вотъ одинъ старикъ крестьянинъ нашелъ возможность совмѣстить и радостный праздникъ и обидную для праздника работу: онъ прилѣпилъ къ своей сохѣ зажженную восковую свѣчку и началъ пахать съ пѣніемъ пасхальныхъ пѣснопѣній. Услышавъ это пѣніе, люди послѣдовали его примѣру и общая злоба смѣнилась радостнымъ умиленіемъ. Итакъ, догматъ, обрядъ и церковная молитва показали свое нравственное воздействиѣ на сердца людей въ искреннемъ, чуждомъ тенденцій, разсказѣ автора.

Они показываютъ эту силу и въ томъ разсказѣ нашего писателя, гдѣ онъ хотѣлъ представить полную ненужность догматовъ. Авторъ описываетъ событие, имѣвшее мѣсто въ жизни покойнаго мит. Иннокентія († 1879), когда онъ былъ въ Аляске.

Во время одного изъ своихъ миссіонерскихъ путешествій, преосвященный встрѣтилъ на необитаемомъ островѣ троихъ христіанскихъ подвижниковъ-инородцевъ. Они не знали никакихъ догматовъ, ни молитвъ, а повторяли только одну, краткую: „Тroe вaсъ, трoe наcъ, помилуй наcъ". Епископъ узналъ о ихъ безпорочной жизни, похвалилъ ихъ и сталъ обучать ихъ догматамъ и молитвѣ Господней. Но они никакъ не могли запомнить мудреныхъ словъ и усваивали молитву съ великимъ трудомъ. Наконецъ, епископъ про-

стился съ ними и отплылъ на пароходѣ. Вдругъ онъ видѣть, что они бѣгутъ за нимъ по водѣ; подвижники вошли на судно и просятъ опять повторить имъ молитву Господню, потому что они ее забыли. Епископъ, пораженный чудомъ этихъ простыхъ людей, отказался настаивать на обученіи и велѣлъ имъ всегда молиться своею немудрой молитвой, которую они достигли такихъ великихъ даровъ вѣры, ибо когда подвижники снова повторили свою молитву, то лица ихъ озарились восторженнымъ благоговѣніемъ и слезами.

Откуда это благоговѣніе? спросимъ мы. Молитва странниковъ не чужда догмата: напротивъ обращаясь къ Тремъ Лицамъ въ единомъ Существѣ („помилуй, а не помилуйте“), она говоритъ о томъ, что Божественная сущность чужда той личной раздѣленности, какая установлена грѣхомъ Адама въ нашей человѣческой жизни, и что задача христіанского подвига въ томъ и поставляется, чтобы многимъ раздѣльно существующимъ личностямъ, слиться въ одно существо единаго новаго человѣка. Этотъ главный догматъ христіанской религіи и составляетъ ту нравственную силу, которая соединяетъ всѣхъ людей во едино, и которая поддерживала нераздѣльную дружбу и чистоту тѣхъ трехъ инородцевъ („да будутъ едино, якоже и Мы“: Ио. 17, 11).

Толстой называетъ себя христіаниномъ. На какомъ основаніи?

Что касается взгляда на личность И. Христа и отношенія къ Нему Толстого, то это достаточно разъяснено имъ самимъ хотя бы въ отвѣтѣ на постановленіе Св. Синода объ отлученіи его отъ Церкви. Сознаваясь, что онъ дѣйственно отрицалъ Божество И. Христа и всѣ догматы Церкви, какъ ненужные, онъ тѣмъ не менѣе не отвергаетъ нравственного закона, возвѣщенного Христомъ, и потому обвиненіе Церкви въ томъ, будто онъ отрекся отъ Христа какъ писатель, называетъ клеветой. Правда, сознается онъ дальше, что онъ отрицаетъ взглядъ на И. Христа, какъ на Искупителя и смотритъ на Него только, какъ на Великаго Человѣка. Онъ Его ставитъ на одну линію съ Буддой, Конфуциемъ, Сократомъ, Шопенгауэромъ и др. учителями жизни. Самая идея прогресса требуетъ предположенія, что со временемъ можетъ появиться ученіе болѣе высокое, чѣмъ Христа. „Можетъ быть и я самъ могу быть выше Его“, прибавляетъ Толстой. Однако

такое свободное и даже высокомѣрное отношение къ личности Христа значительно не сходится съ другими изречениями Толстого, когда онъ бываетъ готовъ ссылаться на Христово слово, какъ на безусловный авторитетъ, высшій всѣхъ доводовъ разума, напр., — на своеобразно понятые писателемъ слова о непротивлении. Къ сожалѣнію, въ этомъ пункте Толстой не былъ искренъ. Иногда ему хотѣлось казаться чистымъ рационалистомъ, иногда вѣрующимъ во что-то и даже во Христа, какъ носителя безусловной правды. Вообще же нашъ писатель не прочно былъ иногда вводить въ заблужденіе своихъ собесѣдниковъ касательно своихъ убѣждений. Такъ, напр., онъ говорилъ, что онъ молится и молитву считаетъ однимъ изъ необходимыхъ средствъ самоусовершенствованія. Но молитва, по его учению, не есть просьба, ни обращеніе къ живому Существу, которое можетъ слышать, а только сосредоточенное напоминаніе себѣ самому своихъ нравственныхъ правилъ. Конечно и такое упражненіе лучше, чѣмъ ничего, но нашъ писатель отлично понималъ, что его послѣдователи совсѣмъ другое разумѣютъ, когда онъ на время уединяется отъ нихъ для того, „чтобы помолиться“. Такой же неискренній характеръ имѣетъ со стороны Толстого наименование себя христіаниномъ — по своему теоретическому учению. Обыкновенно подобные скептики называютъ себя послѣдователями Христа, какъ нравоучителя, и въ этомъ смыслѣ христіанами. Но, отрицая Божество Христово, они должны девять десятыхъ Его рѣчей признать обманомъ или самообманомъ: напр., предсказанія о Страшномъ Судѣ, заявленіе права на прощеніе грѣховъ, всѣ Его слова объ искупленіи и т. п., а считать обманщика высшимъ наставникомъ своей жизни никто искренно не можетъ. Толстой старается хоть отчасти ослабить такой печальный выводъ невѣрующихъ толкователей объ Иисусѣ Христѣ посредствомъ самыхъ искусственныхъ и неискреннихъ приемовъ толкованія. Такъ онъ старается убѣдить читателя, будто подъ Сыномъ Человѣческимъ Спаситель разумѣлъ вовсе не Себя, а тотъ всемирный прогрессъ, то разумное начало, развивающееся въ поколѣніяхъ, которого Онъ является представителемъ, т. е. однимъ изъ представителей. Между тѣмъ, какъ совмѣстить подобное нелѣпое толкованіе съ вопросомъ И. Христа ученикамъ: „кого Мя нарицаютъ человѣцы быти Сына Человѣка“?

ческаго суща?“ (Ме. 16).—Толстому по сердцу возглъдъ Спасителя, призывающій къ Себѣ всѣхъ тружающихъ и обремененныхъ: скажите, какой смыслъ сохранили бы для нась эти слова, обращенные къ поколѣніямъ, еслибы Спаситель не воскресъ? или угроза лжепророкамъ, которымъ не поможетъ въ день Страшнаго Суда самооправданіе предъ Спасителемъ: „Господи, Господи, не Твоимъ ли именемъ пророчествовахомъ?“ Какой тогда смыслъ сохранили бы ублаженія Спасителемъ претерпѣвающихъ злорѣчіе за исповѣданіе имени Христова въ этой жизни? Вотъ почему Ренанъ былъ послѣдовательнѣе, когда называетъ Христа самообольщенной натурай, самолюбивымъ, любившимъ почетъ и не терпѣвшимъ противорѣчія демагогомъ, способнымъ даже на шантажъ въ родѣ запрятыванія живого Лазаря въ могилу для внушенія простодушному народу вѣры въ Свою воскрешающую силу.

Какъ извѣстно, все нравственное ученіе Евангелія Толстой сводить къ слѣдующимъ 5 заповѣдямъ: 1) не воевать, 2) не судиться, 3) соблюдать цѣломудріе, 4) не божиться и 5) не противиться злу.

Не правда-ли, какая сухая, малосодержательная и жалкая мораль? Представимъ такой случай: деревенскій парень рано женился на красивой и хорошей дѣвушкѣ. По семейному положенію онъ освободился отъ военной службы. Онъ не имѣлъ никакихъ судебныхъ дѣлъ, не привыкъ божиться и живетъ своимъ трудомъ. Съ точки зрѣнія Толстовской этики этотъ малый представляетъ собою верхъ нравственного совершенства, потому что выполняетъ всѣ его заповѣди. И еслибы онъ пришелъ къ нашему писателю и сказалъ: научите меня сдѣлаться лучше, люди говорятъ, что я завистливъ, скупъ, жестокосерденъ, сплетникъ, пьяница и грубянъ,—то Толстой, оставаясь послѣдователенъ, долженъ бы быть ему отвѣтить—никого не слушай; ты исполнилъ весь законъ Евангелія и улучшаться тебѣ не въ чёмъ; ты выше Апостола Павла или Василія Великаго, которые признавали клятву, государственную самозашиту и судъ.—Правда, въ другихъ своихъ произведеніяхъ, въ повѣстяхъ и романахъ, нашъ писатель оставляетъ свою выдуманную внешнюю мораль и начертываетъ обществу нравственные цѣли гораздо высшія, чѣмъ тѣ правила, коими руководится средній свѣтскій человѣкъ.

вѣкъ: онъ возстановляетъ совершенство русскаго народнаго духа, и доказываетъ превосходство послѣдняго съ его идеями самоотверженія, цѣломудрія и правдивости сравнительно съ нравственнымъ укладомъ общества, въ которомъ считается главнымъ правиломъ не уступать другъ другу, стоять за себя, не стѣсняться началами требованія воздержанія, цѣломудрія, самоограниченія, но только прикрывать грубую чувственность и юзкое себялюбіе красивыми формами.

При такомъ возвышеніи жизненныхъ правилъ художественныхъ произведеній Толстого надъ общественною моралью остается съ первого взгляда совершенно непонятнымъ: какая-же преграда отдѣляла его отъ живого, исторического, русскаго христіанства?

Почему при всемъ стремленіи къ истинѣ, Толстой не могъ слиться съ учениемъ Церкви?

Ему не доставало пониманія и признанія самой главной добродѣтели, которая дѣлаетъ человѣка послѣдователемъ Христа, той добродѣтели, которая Спасителемъ становится въ основаніе всего пути совершенства: это нищета духовная, иначе сказать *смиренномудріе*, борьба съ гордостью. Какъ и большинство лжепророковъ, Толстой просмотрѣлъ эту заповѣдь, потому что смолоду былъ далекъ отъ спасительного руководства церкви. Истинные же послѣдователи Христа знаютъ, что если даже вѣрующіе подвижники думаютъ обойтись безъ этой добродѣтели, то впадаютъ въ самообольщеніе или прелесть и губятъ свой подвигъ. Иногда имъ удается сдѣлаться великими постниками, постоянными благотворителями, но безъ смиренія такимъ подвижникамъ невозможно достигнуть нравственной гармоніи: или всегда будетъ недоставать той мягкости, той теплоты духа, той уравновѣшеннности и мира душевнаго, какія отличаютъ церковнаго подвижника отъ самочиннаго. Опытные въ духовной жизни старцы говорятъ, что лучше совсѣмъ не знать никакихъ подвиговъ, оставаться въ томъ положеніи въ какомъ поставила тебя жизнь нежели, ревнуя о высшемъ совершенствѣ, просмотрѣть первую заповѣдь блаженства; Л. Толстой ее пропустилъ и въ теоріи, и на практикѣ. Совершенно произвольно онъ подставилъ вмѣсто духовной тщеты тѣлесную и никогда не говорить о *смиренномудріи*. Въ самой жизни Толстого было много такого обстоятельствъ, которыхъ еще

богъе содѣйствовали развитію его необычайной гордости. Принаслѣда по рожденію къ аристократическому сословію, имъя несомнѣнно болыпой талантъ литературный, принимая со всѣхъ сторонъ поклоненіе, Толстой еще съ молоду мечталъ превзойти всѣхъ знаменитостей міра, въ чемъ сознается, и отъ этой мечты не отказался до старости: силился поправить Христа и Его ученіе. Вотъ почему онъ и лишился внутренней уравновѣшеннности и простоты душевной; вотъ почему, подводя своихъ героевъ къ нравственному возрожденію, онъ ихъ никогда не могъ ввести въ послѣднее. Потому и Левинъ остановился на его порогѣ; потому и Нехлюдовъ не воскресъ, потому же и самъ Толстой, стоя при дверяхъ смерти, стоялъ только при дверяхъ учителей покаянія св. обители, но войти къ нимъ не могъ и умеръ, не примиренный съ Богомъ.

Могла-ли утѣшиться его душа вкушеніемъ человѣческой славы, столь бурными проявленіями покрывшей его погребеніе? Увы, это виѣшнее преклоненіе было скорѣе оскорблениемъ поэту, нежели честью. Оно имѣло характеръ всецѣло оппозиціонный и революціонный; между тѣмъ Толстой революції и конституції не сочувствовалъ, а на первую горячо негодовалъ. Но даже независимо отъ сего, что можетъ быть обиднѣе, когда насы хвалять только для того, чтобы оскорбить или напугать другихъ? А если мы вспомнимъ, что эту погребальную буффонаду исполняли тѣ самые элементы общества, которые 5 лѣтъ тому назадъ кричали и печатали о немъ, какъ о съумасшедшемъ старики, выжившемъ изъ ума аристократъ, какъ о дворянской ветоши, на которую нечего обращать вниманіе, то, судите сами, чѣмъ отличается теперешнее его возвышеніе отъ того, когда заброшенную подушку и сношенную одежду поднимаютъ на высокій шестъ и ставятъ въ огородѣ въ качествѣ пугала для воронъ? Нашъ писатель воспроизвелъ собою сказку Пушкина о Рыбакѣ и Рыбкѣ: мало показалось старухѣ быть дворянкой и царицей, захотѣла быть богиней, и осталась безъ царства и дворянства при одномъ разбитомъ корытѣ. Надъ обыкновеннымъ покойникомъ возносятся теплые, участливые молитвы его близкихъ, а здѣсь въ пышныхъ тостахъ демонстрантовъ по разнымъ городамъ никто о душѣ умершаго и не думалъ, а всѣ злорадствовали надъ Церковью и

надъ нами—попами. И только сами представители Церкви, которыхъ умершій поносилъ незаслуженными клеветами, простирали къ нему слова участія, но слова эти и телеграммы не дошли до его слуха, ни до его послѣдняго дома, загражденного окружавшими его злыми геніями, думавшими только о томъ, какъ бы не допустить умирающаго до примиренія съ Церковью. Нѣкоторыя духовныя лица ходатайствовали о разрѣшеніи проводить его въ могилу со священникомъ при пѣнії: „Святый Боже“, какъ это дѣлается въ отношеніи иновѣрцевъ, не имѣющихъ вблизи своего духовенства, но едвали бы это было допущено окружающими, и потому св. Синодъ такого ходатайства не удовлетворилъ.

Впрочемъ тѣ христіане, которые сохранили въ душѣ своей состраданіе къ погибавшей душѣ, могутъ молитъ и за нее наединѣ, какъ указалъ преп. Феодоръ Студитъ одному діакону, котораго отецъ умеръ грѣшникомъ, отлученнымъ отъ Церкви. Во храмѣ возносится молитва только за искупленныхъ Христомъ чадъ Церкви, а личное молитвенное дерзновеніе не знаетъ для себя никакихъ преградъ, какъ научили насъ св. отцы: Феодоръ, Макарій Великій, Исаакъ Сиринъ и другіе.

